

ШУМЕР

БАВИЛОН

АССИРИЯ

5000 ЛЕТ ИСТОРИИ

В.И. Гуляев

Сокровенная история цивилизаций

Валерий Гуляев

**Шумер. Вавилон.
Ассирия: 5000 лет истории**

«ИП Карелин»

2005

Гуляев В. И.

Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории / В. И. Гуляев —
«ИП Карелин», 2005 — (Сокровенная история цивилизаций)

Эта книга, адресованная самому широкому кругу читателей, посвящена цивилизации, считающейся колыбелью человеческой культуры и письменной традиции. В увлекательной форме она рассказывает об исторических событиях, когда-то происходивших на этой земле, о рождении и падении древних царств, об археологических раскопках, о науке, искусстве и религии Месопотамии от древнего Ура до Вавилона и Ассирии. Автор книги доктор исторических наук, профессор В.И. Гуляев – известный русский археолог, в течение многих лет участвовавший в раскопках месопотамских памятников древности.

© Гуляев В. И., 2005

© ИП Карелин, 2005

Содержание

Об авторе	5
Введение	7
Глава 1 Вода, земля и жизнь (экология древней Месопотамии)	12
Тигр и Евфрат	14
«У природы нет плохой погоды...»	20
Глава 2 В поисках забытых городов	24
Археологическое изучение Ирака	27
Ботта открывает Ассирию	29
Лэйярд в Нимруде и Ниневии	30
Рассам и библиотека Ашшурбанапала	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Иванович Гуляев

Шумер. Вавилон.

Ассирия: 5000 лет истории

Об авторе

Валерий Иванович Гуляев – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом теории и методики Института археологии РАН. Профессиональный археолог, участник многих археологических экспедиций в нашей стране и за рубежом (Ирак, Куба, Мексика). Занимается проблемами древних цивилизаций Ближнего Востока и Мезоамерики, а также археологией скифов Северного Причерноморья. Последние 15 лет возглавляет археологическую экспедицию, ведущую раскопки скифских древностей на Среднем Дону.

Автор 14 книг и монографий, в том числе «Древнейшие цивилизации Мезоамерики», «Кто открыл Америку?», «В стране первых цивилизаций (Древний Ирак)», «Первые города», «По следам конкистадоров».

Введение

Если спросить у случайных прохожих даже в таком многолюдном и просвещенном городе, как Москва: «Что вы знаете о Древней Месопотамии?» – то, полагаю, многие просто пройдут мимо, молча пожав плечами, у некоторых, возможно, это вызовет в памяти какие-то отрывочные факты или смутные воспоминания, сохранившиеся со школьных лет из учебника по истории Древнего Мира, и уж совсем в редких случаях набожные и верующие люди скажут, что знают из Библии об Ассирийском и Вавилонском царствах и о бесчинствах их жестоких правителей над «избранным народом» Палестины.

Между тем, есть веские причины изучать и широко пропагандировать богатейшую историю именно этого региона, где теперь находятся современные арабские государства Ирак и Сирия.

Прежде всего, Месопотамия – это колыбель человеческой культуры и цивилизации. Здесь впервые на нашей планете возникли земледелие и скотоводство, постоянные поселки и города. Здесь впервые засиял свет письменной традиции: в конце IV тыс. до н. э. на этой земле появились глиняные таблички с клинописными текстами. О важности для развития цивилизации письменности говорил выдающийся российский востоковед И.М. Дьяконов:

«Письменность – одно из самых существенных культурных завоеваний человека. Хотя, казалось бы, она играет в истории культуры подсобную, техническую роль, очевидно, что без нее не было бы возможно то огромное культурное развитие человечества от каменного до атомного века...»

Именно в долине великих азиатских рек Тигра и Евфрата впервые возникло государство, а вместе с ним – подлинная архитектура (храмы, дворцы), скульптура, своды законов, литература, философия и т. д., – словом, все то, что определяет сущность подлинной цивилизации.

Следует также помнить о том, что наша европейская культура – прямая наследница «древнемесопотамской» культуры, или «вавилонской», как ее называет известный отечественный исследователь М.В. Никольский.

«Из восточных народов, – пишет он, – наиболее высокую культуру выработали... вавилоняне; их культура оказала наибольшее влияние на их соседей и на греко-римскую культуру... И среди восточных (читай, месопотамских. – В.Г.) элементов современной культуры преобладают именно вавилонские элементы. Мы теперь не замечаем их, они вошли в нашу плоть и кровь, изменились и переработались иногда до неузнаваемости; долгое время мы даже и не подозревали об их происхождении. Но они весьма многочисленны и напоминают нам о себе, можно сказать, ежедневно. Мы так привыкли, например, к семи дням недели, что нам и в голову не приходит спросить себя, откуда этот счет дней недели; так же мы относимся к двенадцати месяцам в году, или к 60 минутам в часе, или 60 секундам в минуте. Между тем, эти неотъемлемые, вошедшие в нашу плоть и кровь подразделения вовсе не составляют оригинального достояния нашей культуры, но ведут свое происхождение из незапамятной старины, из древнего Вавилона».

Француз, немец, англичанин машинально повторяют свои названия дней недели, нисколько не подозревая о том, что эти слова – простой перевод старинных вавилонских названий. Сотни тысяч учеников в школе учат деление круга на 360 градусов, измеряют градусами дуги и углы, и никому из них не приходит в голову спросить, отчего вместо такого странного деления не разделить окружность круга на 100 или 1000 градусов по десятичной системе; ни один математик не задумывается над необходимостью такой реформы, ибо вся геометрия построена на этом делении, оно вошло в жизнь, и от него так же трудно отказаться, как от деления суток на 24 часа и часа на 60 минут. Оно имеет такую же почтенную давность и идет из того же Вавилона.

Мы до сих пор говорим про счастливого человека, что он «родился под счастливой звездой»; среди нас есть немало людей, которые искренне верят, что судьбу человека можно определить заранее по звездам, а каких-нибудь 100–200 лет назад даже серьезные ученые считали астрологию точной наукой. Родина астрологии – это тоже Вавилон, и ее основные правила были составлены вавилонскими астрологами. Есть слова, употребляемые нами ежеминутно и заимствованные все оттуда же. Таково слово «талант» – название вавилонской меры веса и высшей единицы вавилонской денежной системы; оно давно утратило свой прямой первоначальный смысл и стало употребляться для обозначения известного человеческого качества, но идет все из того же Вавилона. «Мы часто говорим в шутку, – отмечает М.В. Никольский, – что *семь* — число священное, совершенно не сознавая, что бессознательно повторяем то верование, которое твердо хранилось у вавилонян. Множество следов вавилонского влияния можно найти также в Библии и в некоторых религиозных обрядах. Известные всем нам с детства сказания о сотворении мира, о древе жизни, о потопе, о вавилонском столпотворении впервые появились в Вавилоне, и автор библейских книг их только переделал по-своему и приспособил к вере в единого Бога... Таково до сих пор влияние старинного города, „чуда света“. Очевидно, стоит потратить время и труд, чтобы познакомиться с его историей и узнать, как были положены основания тем элементам нашей культуры, которые, именно благодаря своей древности и общности, кажутся нам теперь самыми привычными явлениями...»

Нам интересна эта земля и из-за громадного количества постоянно открываемых археологами клинописных глиняных табличек, где вся тысячелетняя история и культура Месопотамии отражена с такой полнотой и на таком большом отрезке времени (с III тыс. до н. э. и до рубежа н. э.), что аналогов ей нет ни в одной другой ранней цивилизации нашей планеты.

Древняя Месопотамия сыграла огромную роль в создании мифов и преданий Библии – главной книги христиан (шумерский миф о всемирном потопе и др.).

Наконец, следует напомнить, что именно здесь, в Месопотамии-Ираке, находились два знаменитых «чуда» древнего мира – «Вавилонская башня» и «Висячие сады Семирамиды». Где-то на этой земле или совсем рядом с ней помещался и сказочный Дильмун – прообраз библейского рая.

На территории Месопотамии на протяжении тысячелетий процветала цивилизация, которая по своей значимости вполне могла соперничать с цивилизацией Египта эпохи фараонов. Согласно современной терминологии, мы называем ее Халдейской, Ассиро-Вавилонской, Шумеро-Аккадской или Месопотамской, но это, в сущности, одно и то же. Из корней, уходящих далеко во мрак доисторических времен, она медленно возникала, расцветала и продолжала существовать почти три тысячи лет, оставаясь всегда удивительно единой, хотя ее неоднократно сотрясали и политические перевороты, и бесконечные вливания иноземной крови и иноземных традиций культуры. Городские центры этой цивилизации посылали благотворные импульсы своей высокой культуры по всему Ближнему Востоку, где такие города, как Ур, Урук, Нип-пур, Аккад, Вавилон, Ашшур и Ниневия, все стояли вблизи Тигра и Евфрата, в пределах современного Ирака, или непосредственно на берегах этих рек.

Однако в начале нашей эры месопотамская цивилизация постепенно приходит в упадок и исчезает. Некоторые из ее культурных и научных достижений были заимствованы греками и позднее стали частью нашего культурного наследия; все остальное или погибло, или лежит погребенным в земле, ожидая встречи с археологами. Славное прошлое было забыто; в короткой памяти человечества об этих многолюдных городах, могущественных богах и грозных державах сохранились лишь немногие, сильно искаженные имена. Разрушительные дожди, насыщенные песком ветры, заставляющее трескаться землю солнце, – все это способствовало сокрытию материальных остатков этой цивилизации, и только безымянные холмы-«телли», которые скрыли в себе руины Вавилона и Ниневии, дают нам, вероятно, наиболее наглядный урок быстротечности жизни из всех, какие мы когда-либо могли видеть в истории.

Хорошо известно, что первые впечатления о стране – всегда самые яркие и свежие. Так было и со мной. Приехав в Ирак в апреле 1970 г., когда в Багдаде уже царила, по нашим меркам, настоящая жара (25–30 °С), я навсегда сохранил в памяти все то, что увидел именно в первые дни. Правда, Багдад уже ничем не напоминал сказочный город средневековых арабских халифов. Но зато в провинции, в иракской глубинке, время как бы остановило свой стремительный бег, и здесь на каждом шагу явственно проступает тысячелетнее прошлое. Продолав за сутки долгий путь в 500 километров от иракской столицы до лагеря нашей археологической экспедиции в Ярым-тепе, близ города Телль Афар в Синджарской долине, на северо-западе страны, я оказался, по сути дела, в той самой древней Месопотамии, о которой мы читали в научных трудах и следы которой видели в музеях. На следующий день я проснулся очень рано и, одевшись, вышел из палатки. Над головой – голубое высокое небо и яркое горячее солнце. Кругом – безбрежное море зелени: травы и всходы пшеницы и ячменя. И вдруг в этом мире тишины и покоя передо мной ожила библейская пастораль: по склону близлежащего высокого холма медленно двигалось стадо овец и с ним, на осликах, два пастуха, старый и молодой, в каких-то допотопных длинных хламидах и с платками на голове. Ну чем не послание из глубины веков? Ведь точно так же бродили по месопотамской земле многие поколения пастухов и земледельцев. Они жили в таких же, как и сейчас, глинобитных хижинах, так же выращивали хлеб на своих полях и пасли стада овец и коз.

Но самое сильное впечатление от встречи с прошлым ждало еще впереди, когда мне пришлось побывать в древнем Ашшуре – первой столице грозной Ассирийской державы.

На одном из центральных участков этого городища, близ самого берега Тигра, весенние потоки на протяжении многих лет образовали в земле глубокую промоину, нисходящую прямо к реке. Высота берега достигает здесь не менее 15 метров. И почти вся его земляная толща состоит из следов человеческого обитания самых разных эпох – от раннеземледельческих культур V тысячелетия до н. э. и до мусульманского средневековья. Естественно, что археологи не преминули использовать эту игру природных сил: промоину углубили до самого дна, до речного песка, тщательно зачистили обе ее высокие стенки, отстоящие друг от друга по прямой на 25–30 метров, и получился идеальный, гигантских размеров археологический разрез. Говорят, эту нелегкую работу начал еще в конце XIX века немецкий археолог Вальтер Андре, а продолжили уже в наши дни иракские ученые. Я осторожно подошел к самому краю искусственного каньона. Далеко внизу, в тени берегового откоса, глухо шумели коричневые воды Тигра. А на противоположной стенке каньона передо мной предстала живая летопись месопотамской истории. Почти от самой поверхности по вертикальным срезам земли шли и шли вниз бесконечные слои с осязаемыми следами эпох и культур, прошумевших здесь на протяжении тысячелетий. Из желтовато-серого лёсса повсюду торчали куски громадных глиняных «хумов» – сосудов для хранения масла, зерна и пива, печи для выпечки хлеба и для обжига керамики, остатки стен глинобитных и каменных зданий, человеческие кости и даже целые захоронения в глиняных гробах. Более впечатляющего зрелища я никогда больше не видел: вся бесконечно долгая летопись прошлого Месопотамии предстала вдруг перед моим взором. Парфяне, персы, вавилоняне, ассирийцы, шумеры и их безымянные предшественники раннеземледельческой поры – все они побывали в Ашшуре и оставили после себя вполне реальные следы. Расцветали и гибли города, одна цивилизация сменяла другую, и каждый раз на месте города мертвых вырастал город живых. Стоя на краю этого мрачного провала, как никогда ясно осознаешь и быстротечность времени, и чудовищную тяжесть веков, формировавших традиции нашей современной культуры.

На плоском острове посреди Тигра группа местных крестьян-феллахов в длинных белых рубашках кончила собирать вязанки хвороста и снопы травы и двинулась к поджидавшим их лодкам. Глядя на длинную вереницу согбенных фигур, было легко представить себе нескончаемую цепочку людей предыдущих поколений, пронесших бремя человеческого труда сквозь

туман прошлого. Семь тысяч раз сеяли хлеб и семь тысяч раз собирали урожай с тех пор, как первый предок современных иракских феллахов поселился на крутых прибрежных откосах Ашшура.

Теперь несколько слов о самом термине «Месопотамия». Так называли этот регион древние греки: по-гречески «месос» – «середина», а «потамос» – «река», в целом это можно перевести как «междуречье». Современное название страны – «Ирак» – в переводе с арабского означает «земли, лежащие по берегам», примерно то же самое. В советский период в русскоязычной литературе широко употреблялся другой термин – «Двуречье». Географически Месопотамия занимает весь Ирак и часть Сирии.

С незапамятных времен жизнь в этом краю щедрого южного солнца была возможна только возле воды, и прежде всего вдоль Тигра и Евфрата. Вокруг зеленой ленты цветущих земледельческих оазисов Междуречья на многие сотни километров раскинулись лишь бесплодные пустыни да цепи выжженных до желтизны каменистых хребтов. Благодатные лёссовые почвы речных долин при должном уходе и орошении давали невиданные урожаи пшеницы и ячменя. Вот почему именно в Месопотамии еще на заре истории, в конце IV тыс. до н. э., родилась одна из наиболее ярких и наиболее ранних цивилизаций древности – шумерская.

«Мы знаем сегодня, – пишет немецкий историк Э. Церен, – что в недрах этой земли скрыты древнейшие культуры, созданные человечеством. Там находится колыбель нашей культуры, колыбель человеческого гения, его представлений и понятий, его веры и убеждений».

На протяжении многих веков Месопотамия оставалась важнейшим центром древней цивилизации. Ее цари диктовали свою волю соседним народам. Ее мудрецы и поэты создавали бессмертные произведения о человеке и мироздании, заимствованные позднее творцами Библии. Ее зодчие возводили величественные храмы и грозные крепости. А жрецы-астрономы изучали яркие южные созвездия, познавая тайны Вселенной.

Но настало время, и армия Александра Македонского сокрушила мощь главных восточных деспотий, доказав тем самым растущие возможности античной Европы. И вот что примечательно. Возникали и рушились империи, сменялись династии царей, гибли под мечами чужеземных завоевателей жители целых государств, а высокие достижения местной культуры не исчезали бесследно. Они передавались из поколения в поколение, от эпохи к эпохе, от одного народа другому. Шумеры породили Аккад и Вавилон. На смену последним пришла воинственная Ассирия. Мидийцы и скифы, персы, греки, римляне, арабы – все они в той или иной мере были наследниками первой цивилизации Месопотамии. «Их (шумеров. – В.Г.) цивилизация, – отмечает известный английский археолог Леонард Вулли, – вспыхнув в еще погруженном в варварство мире, была действительно первой. Прошли те времена, когда начало всех искусств искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу, вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок вобрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона и Ассирии. Но корни идут еще дальше: за ними всеми стоит Шумер».

С борта самолета на плоской поверхности желто-бурой Месопотамской равнины можно различить множество больших и малых искусственных холмов – по-арабски «теллей». Это бесценный исторический архив тех тысячелетий, которые отшумели над древней землей Ирака. В каждом таком холме скрыты руины городов и селений разных народов и разных эпох. Глиняные таблички с клинописными текстами донесли до наших дней названия лишь немногих из них: Ур и Урук, Ниппур, Киш, Лагаш, Вавилон, Нимруд, Ниневия.

Но Месопотамия – не Египет. Турист, путешествующий сегодня по Ираку, может побывать во многих районах страны, но ему даже в голову не придет, что окружающие его холмы – это древние города. В стране нет величественных памятников, способных привлечь внимание туристов, и им трудно представить себе, что во время своих бесчисленных скитаний они, возможно, ступали по базарной площади бывшей столицы или по развалинам некогда величе-

ственного храма. Невозможно вообразить, что пустыня вокруг когда-то была цветущим садом, а звенящую тишину нарушали разноязыкие голоса.

Американский археолог Э. Кьера, глядя на руины древнего города Киша – одного из важнейших шумерских центров III тыс. до н. э., в отчаянии воскликнул: «Мертвый город! Я бывал в Помпеях и Остии, бродил по пустым коридорам Палатина (дворец в Риме. – В.Г.). Но те города не мертвы; они лишь временно покинуты жителями. В них еще слышится шум жизни и жизнь кипит вокруг них. Они – лишь ступень в развитии той цивилизации, которой они отдали себя и которая продолжается рядом с ними. Здесь же настоящая смерть. Ни единой стоящей колонны или арки, которая бы служила доказательством долговечности дел человеческих. Все рассыпалось в прах...»

Почему же это произошло? *Во-первых*, потому, что Месопотамия – страна глиняных цивилизаций: все местные постройки, от гигантских храмов и дворцов до скромных крестьянских хижин, строились здесь из глиняных блоков (то есть из не обожженного, а просто высушенного на солнце сырцового кирпича). Поэтому такие сооружения без постоянного ухода (ремонт, перестройка и т. д.) быстро рушились и превращались в безликие глиняные холмы.

Во-вторых, все благополучие месопотамских культур и цивилизаций (особенно на юге региона) зависело от состояния обширной сети оросительных каналов, плотин и дамб. И когда нашествие татаро-монгольских орд в XIII–XV вв. н. э. сокрушило всю систему местной власти и тем самым уничтожило контроль и уход за ирригацией, страна быстро пришла в упадок, а большая ее часть превратилась в гигантскую лёссовую пустыню. Славное прошлое Месопотамии вскоре было забыто. Разрушительные песчаные бури, дожди и палящее солнце быстро превратили все великолепные постройки этих городов, сделанных из глины, в округлые безымянные холмы, надежно хранящие тайны древней истории Востока. И только археологии суждено было вновь вернуть миру забытые и погребенные в земле великие цивилизации прошлого.

Автор не только лично принимал участие в многолетних работах Советской археологической экспедиции по исследованию раннеземледельческих поселений VII–IV тыс. до н. э. на северо-западе Ирака (1970–1980 гг.), но и имел возможность посетить многие всемирно известные месопотамские памятники древности: Вавилон, Ниневию, Ур и др. Эти личные впечатления и легли в основу предлагаемой вниманию читателей книги. В ней будет рассмотрена история древней Месопотамии с дошумерской поры (VII–IV тыс. до н. э.) и до падения Вавилона под ударами персидского императора Кира в 539 г. до н. э.

Глава 1 Вода, земля и жизнь (экология древней Месопотамии)

Вероятно, нигде больше влияние географии на историю не проявляется так заметно, как в странах, которые занимают пространство от Средиземного моря до Персидского залива и от Иранского нагорья до Аравийского полуострова. Они и составляют основу того региона, каковой мы называем сейчас Ближним Востоком.

В больших пустынях и экваториальных тропических лесах или поблизости от полюсов, в Арктике и Антарктике, человек подавлен враждебной природой, угрожающей самому его существованию. С другой стороны, в областях с умеренным климатом, в условиях благоприятного природного окружения человек чувствует себя как дома. Однако на засушливом, субтропическом Ближнем Востоке взаимоотношения между человеком и природой более тонки, деликатны и непостоянны. Человек может там жить и даже благоденствовать, однако почти все виды его деятельности в значительной мере обусловлены рельефом местности, характером почвы, количеством дождевых осадков, распределением водных источников (колодцы, ручьи и др.), объемом воды и скоростью течения рек. Эти природные факторы оказывали на людей глубокое влияние: они определяли маршруты торговых караванов и планы военных кампаний; они заставляли людей быть оседлыми земледельцами или же принуждали их вести полную лишений жизнь кочевников; они же активно участвовали в формировании физических и моральных черт местного населения и во многом предопределяли его религиозные воззрения.

Поэтому знакомство с историей любой ближневосточной страны следует начинать с изучения географической карты, и древняя земля Ирака не является здесь исключением.

К сожалению, у нас нет древних трактатов по географии Месопотамии III–I тыс. до н. э. Недавние палеоботанические, геологические и метеорологические исследования показывают, что природно-климатические условия в интересующем нас регионе в течение последних восьми – шести тысяч лет практически не менялись, либо эти изменения были столь незначительны, что их можно игнорировать. Поэтому все данные естественных наук по Ираку современному, за редким исключением, могут быть вполне применимы и к Ираку древнему (ландшафт, флора и фауна, температура воздуха, количество осадков и т. д.). Хотя, естественно, есть и обратные примеры: например, в центральной и южной частях страны реки текут по другим руслам, нежели в древности, а некоторые плодородные прежде районы превратились в пустыню.

Но не только голые горы, каменистые пустыни, ячменные поля, рощи финиковых пальм, заросли тростника и лёссовые равнины образуют сейчас тот же ландшафт, который предполагается и для древней Месопотамии. Стоит выехать за пределы больших иракских городов, как седая древность (вместе со своим природным фоном) предстает перед вами во всей своей красе. На холмах и в предгорьях пастухи с незапамятных времен пасут овец и коз; в пустыне племена бедуинов кочуют от колодца к колодцу, как и в далеком прошлом; на месопотамской равнине иракские феллахи живут в глинобитных домах, почти не отличимых от жилищ земледельцев Вавилонии, в то время как рыбаки на болотах Южного Ирака, близ Персидского залива, обитают в больших тростниковых хижинах и плавают по воде на тростниковых лодках с высоко загнутым носом и кормой, как и их далекие шумерские или даже убейдские предшественники. И если солнцу, луне, дождю и ветру уже не поклоняются, то их могущество молчаливо признается и уважается. Таким образом, в мире действительно есть еще очень немного стран, где прошлое так живо и где природа на удивление хорошо сохранила свой почти первозданный облик.

«Как географическое целое, – отмечает известный английский археолог Сетон Ллойд, – Месопотамия образуется широкой незначительной по глубине впадиной, которая протянулась на северо-запад от Персидского залива и в геологическом отношении является его продолжением. Определить границы ее с обеих сторон не представляет собой трудности: на северо-востоке она ограничена понижающимися склонами хребтов Ирана, на юго-западе – гигантской пустыней, которую геологи называют Аравийским плато».

Территорию Месопотамии традиционно разделяют на две области, заметно отличающиеся друг от друга по природно-климатическим условиям: Северную (или Верхнюю), называемую обычно «Ассирией», и Южную (или Нижнюю), называемую «Вавилонией». Граница между ними проходит примерно через города Хит на Евфрате и Самарра на Тигре. К северу от этой линии Междуречье занято известняковым голым плато Эль-Джезира (арабск. «Остров»), которое запирает Евфрат в довольно узкой долине. Тигр же, напротив, течет по широкому нагорью, по склонам которого раскинулись пастбища и пашни. Этот плодородный край и назывался когда-то Ассирией. К югу от черты Хит-Самарра, там, где реки образуют общую дельту, ландшафт совершенно иной: весь этот район – порождение Тигра и Евфрата. Именно благодаря их наносам, здесь образовалась огромная, совершенно плоская лёссовая равнина, которой нет равных по плодородию на всем Ближнем Востоке.

Тигр и Евфрат

Наиболее характерная топографическая черта Ирака – наличие двух больших рек, Тигра и Евфрата. Широко известное изречение древнегреческого писателя Геродота, «отца истории» (V в. до н. э.), о том, что Египет – это дар Нила, может быть с успехом приложено и к Ираку, различие состоит лишь в количестве рек-дароносиц. С незапамятных времен Тигр и Евфрат откладывают свои наносы на каменистое ложе между Аравийской платформой и Иранским нагорьем, создавая среди безжизненных пустынь обширную и плодородную равнину. Обе реки берут начало в горах Турции, где их питает множество местных речек и ручьев. Проложив себе путь через отроги горных хребтов, они устремляются на юг. По характеру эти реки абсолютно не похожи друг на друга. Так, стремительный и многоводный Тигр течет на юго-восток, вдоль горной цепи Загрос. В нижнем течении он (уже в исторические времена) не раз менял свое русло, вот почему постоянных поселений на его берегах долго не возникало. Было время, когда Тигр впадал прямо в Персидский залив; сейчас же он сливается с Евфратом, и образовавшийся из двух рек Шатт-эль-Араб (в 100 км к северу от современного портового города Басры) впадает в море. Все притоки Тигра берут начало в восточных горных областях: Хазир, Большой и Малый Заб, Дияла и др.

Путь у Евфрата совершенно иной. Покинув Турецкое нагорье, он несет свои воды на юго-запад и в одном месте оказывается на расстоянии всего лишь 140 км от Средиземного моря. Затем он круто поворачивает к югу и образует широкую излучину. Ниже Каркемиша в него впадают два больших левых притока – Балх и Хабур. В районе Хита-Самарры Евфрат сближается с Тигром до 32 км и течет с ним почти параллельно дальше на юго-восток, к Персидскому заливу. Широкая петля, образуемая этими реками, превращает Верхнюю Месопотамию в своеобразный «остров». Евфрат не столь полноводен, как Тигр, да и течение у него намного спокойнее.

Илл. 1. Река Евфрат в нижнем течении, в районе современного города Эн-Насириш, близ древнего Ура

Разлив рек начинается в Месопотамии весной, в марте-апреле, когда в горах тает снег и обильно идут дожди. Первым разливается Тигр, на две недели позже – Евфрат. В отличие от Нила, наибольший паводок на месопотамских реках приходится на период созревания основной части зерновых культур, и поэтому нормальный цикл земледельческих работ возможен здесь лишь в том случае, если речная вода будет своевременно отведена в каналы и бассейны, где ее сохранят для полива хлебов после осеннего сева.

«Тигр, – пишет журналист О.Г. Герасимов, – считается самой беспокойной рекой Ирака. Выходя из берегов, он затопляет большие площади плодородных земель, прилегающих к его берегам, размывает глинобитные лачуги, уничтожает скот. Сообщения об уровне воды в период весеннего паводка напоминают сводки с полей сражений, так они лаконичны и строги, но за каждым их словом или цифрой скрывается многое: будут ли крестьяне снимать урожай, или, перебравшись на высокое место, им придется наблюдать, как бешеная река уносит выращенные с большим трудом посевы, смогут ли они сегодня спокойно лечь спать или, застигнутые стихией, будут сидеть на грозящей рухнуть крыше дома и искать воспаленными от напряжения глазами лодку своих спасителей».

Мне приходилось видеть весенний разлив Тигра в районе северного иракского города Мосула, и я могу подтвердить, что автор приведенной выше цитаты не допустил ни грана преувеличения. Последнее разрушительное наводнение Тигра было зафиксировано в 1954 г., когда сильно пострадали столица страны, Багдад, и многие другие города. С тех пор человеку удалось заметно усмирить разгул водной стихии: большие защитные плотины построены близ Самарры и в Куте. Самое поразительное, что еще за четыре тысячелетия до наших дней почти в тех же самых словах описали грозные наводнения Тигра и Евфрата древние вавилоняне:

Никому не остановить пожирающего все потока.
Когда небо гремит и дрожит земля,
Когда матерей и детей окутывают страшные покровы тьмы,
Когда зеленый тростник склоняет под ударами
свои пышные стебли.
И гибнет готовый к жатве урожай.

Поздний разлив усиливал засоление почв из-за большого испарения воды при все повышающейся температуре. Засоленность полей снижала урожай, и по прошествии какого-то отрезка времени (длительность его могла колебаться) приходилось начинать освоение новых земель, что в свою очередь вело к перераспределению населения. Существовала еще одна особенность в характере этих рек, связанная со стремительностью и поздним временем их разливов: ил, который они несли, был значительно менее плодороден, чем нильский, поэтому его нельзя было тут же отправлять на поля. Кроме того, он засорял каналы, которые несли воду во внутренние части страны; он также снижал мощность потока воды. Каналы приходилось очищать или заменять новыми.

Летом температура колеблется от 30 до 50 градусов в тени, дождя не бывает на протяжении восьми месяцев в году. К концу сухого сезона реки превращаются в узкие ленты. Потом приходит зима: днем неярко светит солнце, ночью холодно, время от времени налетают ураганные ливни. Реки, однако, не наполняются до самой весны, когда их притоки начинают питаться за счет таяния снегов в горах Загроса и Тавра. Наступает пора весеннего разлива.

Илл. 2. Река Тигр в районе Багдада

Менее ста лет назад его считали еще неконтролируемым, и на протяжении всей истории страны он терроризировал обитателей южной месопотамской равнины.

Особенно трудными были в глубокой древности условия жизни в Нижней Месопотамии. До укрощения рек занятие земледелием было здесь невозможным: в болотистые лагуны и озера приливы Персидского залива и муссонные ветры заносили горько-соленую воду, а тростниковые заросли кишели дикими зверями и мириадами комаров. «Однако, – пишет И.М. Дьяконов, – когда в результате развития скотоводства и земледелия население Плодородного полумесяца начало расти, а земледельческие поселения стали все более выдвигаться в степь, некие, неизвестные нам, племенные группы, может быть теснимые своими соседями-врагами, ушли из таких селений в Нижнюю Месопотамию, где им сразу же пришлось применить какой-то ранее накопленный опыт создания каналов, потому что без искусственного орошения полей в этом жестоком климате человек неминуемого бы погиб. Вероятнее всего, первые люди пришли сюда через долину Диялы, а также из соседнего Элама».

«И действительно, – говорит М.В. Никольский, – трудно найти более неприветливую страну. Если мы приедем туда осенью или зимой, то увидим голые песчаные пустыни, чередующиеся с обширными болотами. Ни в пустыне, ни на болоте жить нельзя, и бедные деревушки местных арабов расположились в немногих удобных местах жалкими крошечными островками. В песчаных местах нет жизни; там воет юго-западный ветер, несущий тучи песка из соседней Аравии, насыпает холмы и дюны, в которых вязнет нога; на такой почве может расти только низкий колючий бурьян, по ночам оглашаемый воем голодных шакалов и гиен. Над болотами поднимаются испарения, но около них все-таки больше жизни. Вьются стаи птиц, зеленеет тростник, а в прилегающих к болотам более или менее увлажненных местах растут небольшие рощицы финиковых пальм. Только шесть недель, в ноябре и декабре, идут дожди, местами отвоевывая поле у пустыни. Не менее печален вид Сеннара (Нижней Месопотамии). –

В.Г.) весной и летом, когда начинается пора изнурительной жары. Как осенью и зимой страна представляет собой песчаную пустыню, так весной и летом она является водяной пустыней. В начале марта быстро разливается Тигр, в середине марта начинает медленно разливаться Евфрат. В апреле воды разлившихся рек сливаются, и страна превращается в одно сплошное озеро...»

Это постоянное противоборство природных сил на юге Месопотамии не могло не волновать человека уже с глубокой древности, что нашло свое отражение прежде всего в религиозной сфере – в различных мифах и преданиях, например, в легенде о сотворении мира в Шумере и Вавилонии. Легенда навеяна двумя местными природными явлениями: изменением береговой линии Персидского залива, все дальше выдвигавшейся в море, и ежегодными разливами Тигра и Евфрата. «И то, и другое явление, – отмечает М.В. Никольский, – казалось шумерам жестокой борьбой воды и суши, причем суша, несмотря на всю ярость моря, неизменно побеждала». Суша не только не побеждена морем, но и отвоевала себе новые владения у морской стихии: бушующие волны принесли с собой огромные массы песка и ила, поднявшиеся со дна взбаламученного моря, и отложили их на низменном берегу, потом вода схлынула, а наносы остались, и таким образом суша выдвинулась в море. Такая же борьба и с таким же результатом ежегодно повторяется в долине двух великих рек.

Шесть недель идут зимние дожди, болота превращаются в озера, каналы и реки переполняются, бурлят и выходят из берегов. Дожди кончаются, выглядывает весеннее солнце, но торжество водной стихии как будто еще только начинается. Разливаются Тигр и Евфрат, еще не успевшие войти в берега после зимних дождей, и почти на четыре месяца страна превращается в сплошное море. Кажется, что земля навеки погребена под водой; но лучи солнца делают свое дело, и медленно, но неуклонно вода должна уступить место суше.

Илл. 3. Рыбачьи лодки на Тигре

Эти явления природы шумеры издревле объясняли действиями богов и борьбой между ними. Кто как не Энлиль, бог, живущий в горах, бог земной тверди, создает сушу, борется за ее торжество над водной стихией?

Водная стихия казалась двойственным началом: с одной стороны, она несет с собой разрушение, грозит человеку и другим живым существам смертью, подкачивается под храмы богов, размывая холмы, на которых они построены, как будто нет злее врага для богов и людей. С другой стороны, водная стихия содержит в себе и нечто созидательное: она орошает поля; когда разливаются Тигр и Евфрат, то над ними и среди вод их разлива пышно расцветает и растительная, и животная жизнь; густо разрастаются тростник и осока, вода кишит земноводными и рыбой, а над поверхностью вод кружатся мириады насекомых и летают стаи птиц. Эта грозная и в то же время живительная стихия казалась древним месопотамцам какой-то божественной силой.

Совсем иную картину наблюдаем мы в Северной (Верхней) Месопотамии, лежащей в сухой субтропической зоне. На ее севере простирается холмистая земля, куда влажные ветры со Средиземного моря приносят достаточно обильные зимние дожди для ранних посевов и где в древности местами росли кустарники. Несколько дальше к югу лежит второй район – сухие степи, но и здесь вдоль холмов можно сеять хлеб, почти или совсем не пользуясь искусственным орошением, а в степи достаточно растительности для прокорма стад. Водой из рек или колодцев поливают только сады и огороды. Большую часть года ландшафт гол и уныл, но весной вся степь покрывается травами и цветами.

Наконец, с севера и востока к этой холмистой равнине прилегает горная страна, которую называют сейчас Иракским Курдистаном. Он напоминает по форме полумесяц, один рог которого упирается в современный город Хоакин, а другой – в переправу через Тигр вблизи Файш-Хабуре, где сходятся границы Сирии и Турции. Деревни – скопления каменных домов, прилепившихся к горным склонам; пирамидальные тополя, а на горных террасах – плантации винограда и табака. В горах часто встречаются леса из низкорослого дуба и средиземноморской сосны.

Несмотря на очевидное географическое единообразие Ирак – это страна контрастов. Если степь на севере и болотистые низины на юге можно рассматривать как локальные варианты Великой Месопотамской равнины, то между равнинной и предгорной областями (не говоря уже о горных хребтах Загроса), между севером и югом существуют поразительные различия в рельефе, климате и растительности. И на протяжении многих тысячелетий можно отчетливо проследить противоборство и соперничество между Севером и Югом Месопотамии, или, если пользоваться историческими терминами – между Шумером (Вавилонией) на юге, с одной стороны, и Аккадом (Ассирией) на севере – с другой.

Вавилония и Ассирия занимали плодородные земли, находившиеся в стороне от огромного и пустынного Аравийского полуострова. Земли эти простирались на северо-запад от болотистых берегов Персидского залива вдоль рек и горных отрогов Загроса, Тавра и, наконец, Ливанского хребта, за которым открывались пути из Месопотамии к Средиземному морю и далее на юг, к Египту. Евфрат, особенно в нижней трети своего течения, резко отделяет плодородные земли Междуречья от пустыни. Тигр не создавал никакого четкого естественного рубежа на востоке. И это обстоятельство имело, конечно, свои важные политические последствия.

«Границы между Месопотамией и горными районами, расположенными вверх по Тигру на северо-восток и по верховьям Евфрата на севере, – пишет известный востоковед А. Лео Оппенгейм, – никогда не были стабильными. Через них осуществлялись контакты с теми районами, которые обеспечивали более или менее надежную связь с равнинами Внутренней Азии. По тропам с гор доставляли такие важные материалы, как металлы (в особенности олово), драгоценные камни, ароматические вещества, строительный лес. В тот период в связи с ростом

основанного на земледелии благосостояния жители равнины стали испытывать потребность в этих материалах. Лишь в редких случаях контакты с жителями гор носили миролюбивый характер. Горцы оказывали постоянное давление на жителей равнин. Последние давали отпор, но степень их сопротивления зависела от политической и экономической обстановки. Горцы проникали на равнины то в качестве работников или наемников, то как завоеватели... Через юго-восточную границу – побережье Персидского залива и прибрежные острова – Месопотамия осуществляла связь с Востоком (Оманом-Маганом или еще более отдаленной Мелухой-Индией), откуда ввозили некоторые виды растений и животных, а также строительный лес и драгоценные камни. По причинам, не выясненным до сих пор, эта связь была прервана почти на тысячелетие – со времени Хаммурапи и вплоть до падения Ассирии.

Южной и юго-западной границей Месопотамии служил Евфрат с обширными пустынями по западному берегу. На юге (возможно, вдоль побережья) имели место спорадические контакты с местным населением; более регулярные контакты происходили в районе среднего течения Евфрата. Испытанными путями многократно вторгались и непрерывно просачивались даже за Тигр малые и большие племена кочевников, говорившие на семитских языках...

Последняя, западная граница предлагает ряд до сих пор нерешенных вопросов. Каково было ее значение в развитии, а возможно, и происхождении месопотамской цивилизации? Каковы все компоненты совместного влияния Малой Азии, побережья Средиземного моря и даже его островов, которое оказывалось при посредничестве Сирии? Процесс обмена происходил по нескольким проторенным путям, усиливаясь в периоды завоеваний и не прекращаясь даже во время войн и междоусобиц. Пути эти пролегали от излучины Евфрата к городам, расположенным на побережье Средиземного моря.

Таким образом, Нижняя Месопотамия (или Вавилония) – плоская лёссовая равнина, образованная наносами Тигра и Евфрата – обладала неисчерпаемыми земледельческими возможностями благодаря плодородию своих почв. Согласно сообщениям античных авторов (Геродот, Страбон и др.), урожаи пшеницы и ячменя давали здесь сам-двести и сам-триста, что больше, чем урожайность лучших пшеничных полей в современной Канаде. Правда, для практической реализации этого потенциала требовались колоссальные усилия местного населения по строительству каналов, плотин и дамб в целях обуздания строптивого нрава двух главных рек региона. Но когда это произошло, на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. именно Нижняя Месопотамия стала колыбелью первой высокой цивилизации нашей планеты – шумерской.

Вместе с тем, месопотамский Юг (в отличие от Севера) был практически лишен почти всех важных для человека природных ресурсов – строительного леса, камня, металлов и т. д. и т. п. Единственным «богатством» региона были глина, тростник и жидкий асфальт (битум). Поэтому южане вынуждены были с давних пор обменивать у своих соседей излишки сельскохозяйственной продукции на нужные материалы, что, естественно, способствовало развитию сначала межплеменного, а потом и межгосударственного обмена.

И все же мне хочется передать читателю представление о месопотамском климате не только из солидных трудов специалистов, но и из первых рук, исходя из своего немалого личного опыта.

«У природы нет плохой погоды...»

В городских условиях человек почти не ощущает погоды – не обращает внимания на ее капризы: дожди, ветры, грозы, снегопады. Погода важнее для сельского жителя – к ней приспособлен весь уклад его жизни.

Но особенно чувствуют погоду люди, вынужденные в силу своей профессии подолгу жить «в чистом поле» (в степи, в тайге, в пустыне, в горах) в палатках и шалашах, в легких избушках и домах-вагончиках: геологи, охотники, геодезисты, топографы, археологи. От тончайших нюансов местной погоды зачатую зависит не только успех всей их работы, но иногда и сама жизнь. Вот почему так пристально всматриваются они по утрам в едва светлеющее на востоке небо, проверяют направление и силу ветра, прикидывают свой путь в расчете на зной, дождь или снегопад.

Не была исключением и наша археологическая экспедиция в Ираке. И когда меня спрашивали в Москве знакомые: «Ну как там у вас в Ираке с погодой?» – я отвечал нарочито сдержанно и кратко: «Нормально». Это была игра, своеобразная защитная реакция человека, испытавшего на себе такие капризы иракской погоды, о которых можно долго рассказывать. Мое субъективное восприятие особенностей иракской погоды можно передать двумя словами – неистовство и непостоянство.

Это хорошо показал в своей краткой, но эмоционально насыщенной характеристике своеобразных природно-климатических условий Ирака немецкий историк Э. Церен. «Когда на севере в горах Армении, – пишет он в «Библейских холмах», – весной начинает таять снег, вода в реках прибывает. Половодье на Тигре начинается обычно в марте, на Евфрате – в апреле.

Илл. 4. Месопотамская равнина близ города Бейджи (Ирак)

В июне-июле вода достигает самого высокого уровня. Тогда-то благодатная влага обильно орошает поля и делает их плодородными. Но иногда реки неожиданно выходили из берегов, вода разрушала дамбы и уничтожала посевы. Тогда приходил голод. Умирали не только животные, но и люди. Голод настигал людей, если большая вода приходила несвоевременно или же ее было недостаточно для орошения полей. Голод настигал их и в том случае, когда вода бушующим потоком мчалась с гор, уничтожая поля, дамбы, посевы. Вода была чем-то священным, о чем надо было постоянно молиться, потому что это была вода и жизни и смерти... Лето в Двуречье длится долго. Оно начинается уже в середине марта и продолжается до конца ноября. Зима фактически длится не более восьми недель. Уже в феврале в оазисах зеленеют луга. Климат здесь более жаркий и сухой, чем в другой части света. Летом жара доходит до 50 градусов, превращая страну в желтый ад: желтый песок покрывает безжизненным слоем холмы и долины. Гигантские песчаные смерчи несутся над высохшими полями, угрожая задушить людей и животных. Дожди выпадают редко. А уж если и пойдет дождь, то это не просто дождь, а сильнейший ливень. Под сверканье ужасных молний превращает он землю в море грязи... Природа демонстрирует здесь, в этой необычной стране двух рек, всю свою мощь. Она выразительно показывает человеку, как он беспомощен. Она в любое время года, как бы играючи, перечеркивает все его планы, делает его послушным и кротким. Но она делает его и терпеливым».

Не знаю, испытал ли на себе лично автор «Библейских холмов» неистовый и могучий нрав иракской природы, но суть дела он передал удивительно точно и ярко. Конечно, север страны заметно отличается от более сухого и жаркого юга, но в целом и здесь мы наблюдаем поразительное сходство основных природных характеристик. Внезапно приходящие с гор разрушительные потоки-сели, грозы, пыльные бури, ветры, обложные, по неделе, дожди, невыносимая жара – все это представлено в избытке и в Синджарской долине. К тому же с середины апреля появляются змеи, скорпионы, фаланги и тысячножки. И все же главная трудность заключается в непостоянстве местной погоды, которая может измениться в считанные дни и даже часы. За сутки перепады температуры достигают 20–30 градусов. Естественно, так же резко меняются атмосферное давление и влажность. Да и жара, знаменитая месопотамская жара – сама по себе вещь достаточно серьезная. Где-то в 20-х числах апреля весна в Ярым-тепе почти без паузы переходит в знойное лето: сушь, голубое небо, солнце. Температура днем поднимается до 35–40 градусов в тени. Правда, ночи еще довольно прохладные, так что можно хорошо выспаться и набраться сил. Настоящая летняя жара приходит в Синджарскую долину лишь в конце мая – июне. Для иллюстрации сказанного приведу несколько выдержек из своего экспедиционного дневника за 1973–1975 годы.

18 апреля

Вторая половина дня. С юга, с Аравийского полуострова, дует ветер – хамсин. Пыльно и душно. Термометр у дверей базы показывает 32 градуса. Над Синджаром собираются и заволакивают постепенно полнеба иссиня-черные тучи. Часов в девять вечера у нас разразилась невиданной силы гроза – редкая по ярости даже для этих мест. Сполохи молний длились по десятку и более секунд, освещая ночной мрак – хлебные поля, окрестные деревушки и наш лагерь – каким-то адским, призрачным светом фиолетового, зеленого и желтого цветов. Раскаты грома сотрясали степь на многие километры вокруг. А затем на наши выдавшие виды брезентовые палатки обрушился даже не ливень, а какой-то потоп. Ветер тоже свирепствовал повсюду, пытаясь сорвать с кольев и унести прочь наши легкие жилища. Эта бешеная круговерть стихий продолжалась часа полтора-два. Потом все утихло, и мы заснули.

Илл. 5. Синджарская долина на северо-западе Ирака

Утро встретило нас обложным дождем и холодом. Температура не больше 10 градусов, но к полудню дождь перестал, вышло солнце, и началась изнуряющая, хуже сухой жары, парилка – выпаривание избытков влаги из окрестных полей.

29 апреля

Казалось бы, за семь лет работы в Ярым-тепе мы уже должны ко всему привыкнуть. Но сюрпризы местной погоды поистине неисчерпаемы. К вечеру небо обложило темными, какими-то пепельно-серыми тучами. Стало душно и тихо. Покрапал редкий дождь, который вскоре прекратился, но посреди ночи, где-то около часа, вдруг подул с севера страшной силы ветер – холодный и неумолимый. Я проснулся оттого, что моя раскладушка как-то странно дергалась и норовила завалиться набок. Наша палатка звенела и стонала под ударами бури, как плохо натянутый дырявый парус старого галеона. А что если это хрупкое жилище не выдержит и рухнет нам на головы? Чертыхаясь, вылезаем из спальных мешков, надеваем телогрейки и на пронизывающем ветру укрепляем палатки: подтягиваем ту же веревки и глубже забиваем колья. Опять ложусь в кровать. Штормовая какофония продолжается с неослабевающей силой. Чтобы не слышать жуткого воя ветра и хлопанья старого брезента, кладу на голову подушку и довольно быстро засыпаю. Утро – солнечное и ясное, но ветер дует с севера с такой же неослабевающей силой, неся с собой леденящий холод.

15 мая

Жарко. Около четырех часов дня. Сидим на заваulinке у дома на складных стульчиках и ведем неторопливый разговор, отдыхая после трудного рабочего дня и недавнего обеда. Вдруг откуда-то с северо-востока, из-за речки Абры, в лагерь врывается небольшой с виду смерч и в течение одной-двух минут сносит все наши палатки. Сила удара такова, что некоторые раскладушки отлетают в сторону метров на двадцать.

Особого рассказа заслуживают закаты и ночное небо в Ярым-тепе. Переход от дня к ночи совершается здесь поразительно быстро. Солнце сначала лениво и плавно спускается к темному горбу Синджарского хребта, полускрытого белесой знойной дымкой. К вечеру воздух остывает и становится прозрачнее. И сразу все вокруг приобретает привычные живые цвета. Над головой будто раскрывается сказочный небесный купол. Иногда на нем видны легкие перья облаков, подсвеченные снизу и окрашенные в теплые розовато-желтые цвета. А часов в шесть с небольшим багряный диск солнца мгновенно скатывается вниз и исчезает за гребнем гор, словно его дернул за веревочку невидимый великан. Приходят сумерки и долгожданная прохлада. Еще через 10–15 минут наступает чернильной густоты темень. Затем одна за другой зажигаются в небе звезды, выплывает серебристая луна, и ожившая степь сбрасывает с себя остатки знойной дневной одури. Всюду слышны шорохи и звуки невидимой жизни. Надо сказать, что небо здесь черное-пречерное, словно бархат, а звезды – необычайно крупные и яркие. Ими можно любоваться часами. Серебристая пыль Млечного Пути, яркие гроздья Ориона, Большой и Малой Медведиц. Ох уж этот Ярым! Любимый и ненавистный, умиротворенно-благодостный и непримиримо-враждебный. Словом, сегодня, как и тысячелетия назад, природа в Синджарской долине по-прежнему ежеминутно и ежечасно воздействует на жизнь человека, его быт, хозяйство, физическое состояние.

Глава 2 В поисках забытых городов

Более двух десятилетий назад известный американский историк С.Н. Крамер писал, что «археологические исследования, проведенные за последнее столетие в Египте и на Ближнем Востоке, обнаружили такие сокровища материальной и духовной культуры, о каких и не подозревали предшествующие поколения ученых. Благодаря наследию древних цивилизаций, извлеченному из-под толщи песка и пыли, в результате расшифровки древних языков, и восстановлению давно утерянных и забытых литературных памятников наш исторический горизонт сразу расширился на много тысячелетий».

И в этих словах нет никакого преувеличения. За сравнительно короткий срок археологи шагнули от времен, овеянных дымкой библейских преданий (конец I тыс. до н. э.), прямо к порогу первых городов и цивилизаций нашей планеты (IV–III тыс. до н. э.).

Великие культуры Шумера, Аккада, Вавилона, Ассирии и Египта неизмеримо обогатили наши представления о прошлом человечества. Но и это было лишь ничтожной частью того, что когда-то существовало. Полевые исследования в данном регионе по-настоящему только еще разворачиваются: они требуют значительных материальных средств и усилий большого числа людей – рабочих и специалистов. Стоит ли поэтому удивляться, что почти каждый новый сезон археологических раскопок на Ближнем Востоке – этой общепризнанной колыбели человеческой культуры – приносит самые неожиданные результаты. Но путь к успехам археологической науки был долог и труден.

«О Месопотамии, или Двуречье, лежащем между Евфратом и Тигром, – пишет польский историк З. Косидовский, – до самого конца XVIII века было мало что известно. Туманные сведения о бурном и богатом прошлом этой страны черпали из Библии, да из малочисленных и к тому же противоречивых описаний древних путешественников. Здесь, в Ниневии и в Вавилоне, господствовали, как утверждает Ветхий Завет, жестокие цари-воины, которых Иегова покарал своим гневом за идолопоклонство. Но многие европейцы уже в то время считали Библию сборником легенд, а рассказы о многолюдных городах и могущественных царях Ассирии и Вавилонии – по меньшей мере большим преувеличением». Представления об этих исчезнувших цивилизациях Древнего Востока исчерпывались легендами о Вавилонской башне и «висячих садах» Семирамиды.

Наиболее достоверные исторические сведения о Месопотамии относятся лишь к I в. до н. э. (трактат вавилонского жреца Бероса). Известно, что несмотря на непрерывные войны, бесчисленные вторжения завоевателей и смены правителей Месопотамия продолжала оставаться многолюдной и богатой страной, где процветали торговля и ремесла, искусство и архитектура.

«До той поры, пока оросительные каналы на этой территории, – отмечает З. Косидовский, – содержались в хорошем состоянии, ни одна война и ни одно вторжение завоевателей не смогли уничтожить плодородной земли. Разумная система каналов, распределяющая воды Тигра и Евфрата по широким просторам, являлась главным и единственным источником благосостояния Месопотамии. Люди не помнили, кто соорудил так умно и заботливо эти каналы. Никто даже не догадывался, что строители их жили за несколько тысячелетий до нашей эры в библейских городах Уре, Вавилоне и Ниневии. В Месопотамии сменялись правители, народы, культуры. После шумеров, аккадцев, ассирийцев и халдеев пришли сюда персы, потом – греки, а сельское население продолжало жить своей собственной жизнью, улучшая каналы и собирая урожаи...»

В средневековье Месопотамия пережила период нового подъема. Одновременно с захватом страны мусульманами сюда из Дамаска был перенесен главный центр ислама. Халифы сделали своей столицей Багдад, пышность, совершенство архитектуры и сказочное очарование которого стали легендарными.

Позднее страну захватили турки под предводительством сельджуков. Они создали Великую Багдадскую империю, но внешне мало что изменилось в этом краю. Сеть каналов и речных плотин сохранилась в целости несмотря на бурные, трагические события, и земля продолжала давать богатые урожаи. «И только целый ряд грабительских нашествий монголов во главе с Хулагу и Тамерланом превратили страну в пепелище. Была разрушена система каналов, и земля, лишенная живительной влаги, перестала родить, высохла и потрескалась под палящими лучами солнца и, наконец, превратилась в море летучей пыли... Цветущий край стал пустыней с загадочными курганами; по их безбрежным степям бродили кочевые племена. С тех пор на многие века люди забыли о существовании древней Месопотамии» (З. Косидовский).

Илл. 6. Автор книги В.Г. Гуляев (слева) на раскопках Телль-Магзалии, Ирак

Для большинства современных туристов первый контакт с древними памятниками Ирака вызывает только шок и разочарование. Их приводят на высокий холм и говорят, что здесь когда-то стоял древний город. Когда они подходят поближе, то иногда могут разглядеть такие чудесные сооружения, как башня-зиккурат в Уре или Ворота Иштар в Вавилоне. Но в большинстве случаев они видят лишь развалы сырцового кирпича и груды желтой земли, усеянной обломками керамики. И вот они теряются в загадках и удивляются – как же все это случилось?

Ответ на этот вопрос состоит в том, что эти древние города были построены только из глины. Камень исключительно редко встречается в Ираке, в то время как глина всегда под рукой. В очень ранние времена дома делались из пластов глины или бесформенных ее комков, спрессованных вместе. Но очень скоро удалось установить, что глина, смешанная с соломой, гравием или черепками керамики и помещенная в деревянные формы, дает хорошие кирпичи, которые нужно лишь высушить на солнце и скрепить друг с другом гипсовым раствором. Конечно, обожженные в печах кирпичи были более прочными и долговечными, особенно когда их скрепляли битумом, но это был очень дорогой материал, так как дерево для его обжига было привозным и очень ценным топливом; по этой причине обожженные кирпичи использовались лишь для строительства «домов богов» (то есть храмов) и дворцов царей, да и то далеко не

всегда. А большинство древнемесопотамских зданий возводилось из простых сырцовых кирпичей. Крыши строились из деревянных балок, на которые клались циновки из тростника, потом слой глины и гипса. Полы состояли из утрамбованной глины и иногда также покрывались гипсом. Стены обязательно покрывались слоем глиняной обмазки.

Такие дома, с их толстыми стенами, были довольно удобны, сохраняя прохладу в жаркие летние дни и тепло – зимой, но они требовали ежегодного обновления слоя глины на крыше после сезонных (зимних) дождей, а все отходы ремонтных работ смывались или выбрасывались на улицу или во двор дома.

Кроме того, мусор, выбрасываемый на улицы, постепенно повышал их уровень в сравнении с полами домов. При регулярном ремонте такие глинобитные дома могли просуществовать долгое время. Но наступало время, и случались неожиданные происшествия. Война, пожар, эпидемия, землетрясение, наводнение или изменение русла реки – итог был всегда один: поселение частично или полностью прекращало свое существование и покидалось жителями. Через какое-то время крыши зданий обрушивались, и стены, открытые теперь со всех сторон природным стихиям, падали, заваливая комнаты и скрывая все предметы, оставшиеся внутри после ухода обитателей дома. В случае войны разрушение поселка было, конечно, мгновенным – победоносный враг обычно сжигал его.

После ряда лет запустения новые поселенцы могли возродить селение, привлеченные его выгодным географическим положением или местными ресурсами, наличием водных источников и т. д. Поскольку у них не было средств для удаления огромной массы старых обломков и руин, они просто выравнивали разрушенные стены и груды кирпичей и использовали все это как фундамент для своих собственных, новых домов. Этот процесс повторялся несколько раз на протяжении времени и по мере накопления мусора и отходов жизни поселение постепенно все более и более возвышалось над окружающей равниной. Некоторые города были покинуты в древности и никогда больше не возродились, другие, типа Эрбиля и Киркука, продолжали непрерывно существовать с очень ранних времен до современности; однако подавляющее большинство поселений были заброшены в тот или иной период долгой истории Ирака. Нетрудно представить себе, что происходило потом: несомые ветром песок и земля проникали сквозь полуразрушенные стены внутрь зданий, засыпали улицы и все впадины и ямы; дождевая вода сглаживала поверхность руин и разносила вымытую оттуда глину далеко вокруг. Медленно, но неотвратимо город принимал свою нынешнюю форму: округлого холма, или, как его называют арабы, телля.

Археологическое изучение Ирака

Превращение некогда цветущих городов в телли происходило даже намного быстрее, чем это можно вообразить. Геродот в V в. до н. э. видел Вавилон еще живым городом, но отказался от посещения Ниневии, разрушенной за полтора столетия до этого, а Ксенофонт, предводитель 10 000 греческих наемников, в 401 г. до н. э. промаршировал мимо великой ассирийской столицы Ниневии и даже не заметил ее. Четырьмя столетиями позднее Страбон говорит уже и о Вавилоне как о скоплении руин, «почти совершенно заброшенных людьми».

Прошли века, и, словно гигантский саван, пыль покрыла древние города, и она становилась все толще и плотнее, а память об этих городах постепенно улетучивалась. Арабские историки и географы еще кое-что знали о славном прошлом Ирака, но Европа абсолютно забыла Восток.

Западный интерес к древностям Востока проснулся лишь в XVII в., когда итальянский дворянин Пьетро делла Валле опубликовал свой отчет о путешествии в Месопотамию. С собой в Италию в 1625 г. он привез кирпичи из Ура и Вавилона, «на которых были начертаны неизвестные письмена». Постепенно в Европе поняли, что Восток – это достойный объект для изучения. В 1761 г. король Дании отправил в восточные страны научную миссию, дабы собрать там как можно больше информации обо всем интересном, включая и древности. Возглавил ее Карстен Нибур – математик по профессии. Именно он скопировал многочисленные клинописные надписи в Персеполе и предоставил их затем в распоряжение филологов, которые довольно быстро дешифровали эту загадочную письменность. Почти все европейцы, которые посещали Восток или проживали там, старались осмотреть древние руины, собрать древности и скопировать надписи. Среди них выделяются Жозеф де Бешамп – выдающийся французский астроном и священнослужитель (1786 г.), Клаудиус Джеймс Рич – резидент Ост-Индской компании и Генеральный британский консул в Багдаде (1807 г.), сэр Джеймс Букингэм (1816 г.), Роберт Мигнан (1827 г.), Джеймс Б. Фрэзер (1834 г.) и, конечно, наиболее выдающийся из всех – армейский офицер, спортсмен, исследователь и филолог сэр Генри Роулинсон (1810–1895 гг.).

Илл. 7. Российские и иракские археологи в Нимруде. Слева направо: И.Г. Нариманов, В.А. Башилов, О.Г. Большаков, А.В. Куза, Р.М. Мунчаев, Н.О. Бадер, Хазим (директор археологического музея в г. Мосул), Ясин (инспектор Иракского директората древностей)

Если не считать двух небольших шурфов, выкопанных Бешампом и Мигнаном в Вавилоне, все эти люди ограничивали свою деятельность осмотром и обмером руин и были весьма далеки от понимания того, что содержат внутри эти заброшенные холмы-телли.

Ботта открывает Ассирию

В 1843 г. Поль Эмиль Ботта, итальянец по крови и французский консул в Мосуле, произвел в Хорсабаде первые археологические раскопки в Ираке, открыл там дворцы ассирийцев и тем самым начал новую эру в исследованиях прошлого. Сам Ботта считал, что наткнулся на руины последней ассирийской столицы – Ниневии. Но последующие события показали, что на самом деле открыта летняя резиденция царя Саргона II – Дур-Шаррукин (VIII в. до н. э.): грандиозный комплекс дворцовых зданий, внутренних двориков, порталов, приемных залов, жилых помещений с множеством каменных барельефов и скульптур, в том числе – гигантских крылатых человеко-быков.

Ботта не был археологом и совершенно не знал методики полевых исследований – раскопки он вел самым варварским способом. В поисках каменных изваяний, которые могли бы украсить европейские музеи, Ботта не обращал внимания на то, что заступы и кирки рабочих навсегда уничтожали мелкие предметы, стены построек, хозяйственные сооружения, имевшие не меньшую ценность для познания прошлого Месопотамии. Многие алебастровые скульптуры, выкопанные из земли, без соответствующей консервации рассыпались в прах под палящими лучами солнца. К счастью, на помощь французскому консулу прибыл из Парижа известный художник Эжен Фланден, который стал ежедневно делать зарисовки гибнущих археологических сокровищ. В результате их совместной работы впоследствии появился великолепный труд «Монумены Ниневии, открытые и описанные Ботта, измеренные и нарисованные Фланденом».

Однажды Ботта решил отправить несколько крупных каменных изваяний во Францию по воде – сначала по реке Тигр, а потом, через порт Басру, перегрузив скульптуры на корабль, морем в Европу. Однако в том месте Тигр был особенно бурным и глубоким, плот с ценным грузом перевернулся, и все находки утонули. Вторая попытка оказалась более удачной, и вскоре гигантские статуи крылатых быков с человеческими головами заняли почетное место в залах парижского Лувра.

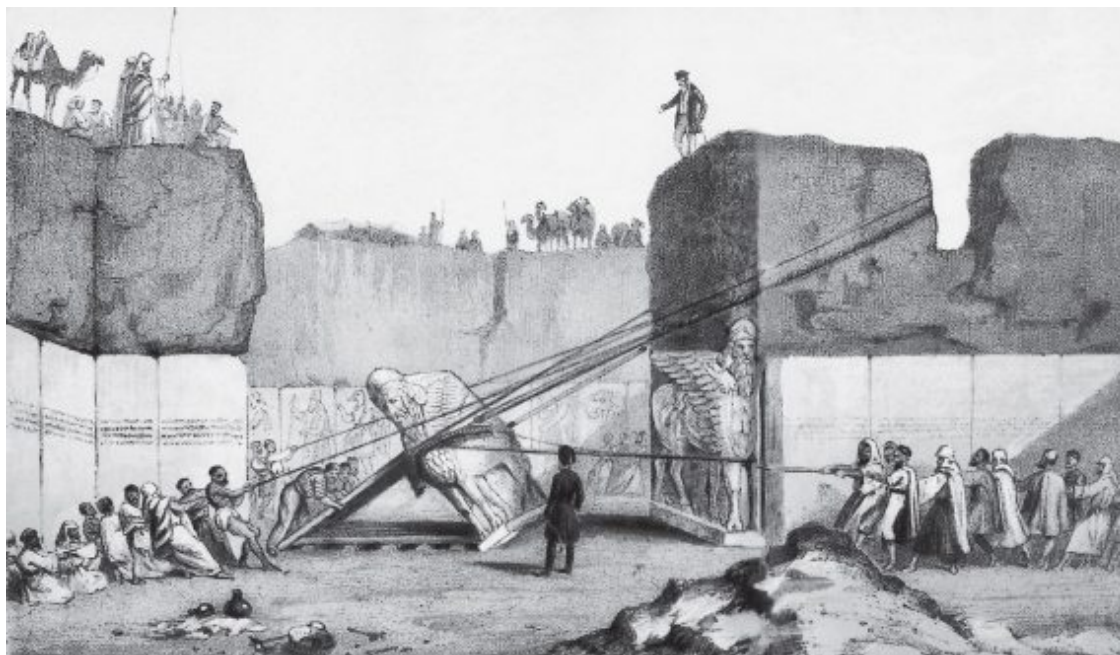
Лэйярд в Нимруде и Ниневии

Успехи французов не на шутку взволновали их извечных соперников – англичан. И когда путешествующий по Ближнему Востоку лондонский адвокат Остен Генри Лэйярд попросил у посла Великобритании в Турции денег на раскопки в районе Мосула, тот немедленно согласился. В ноябре 1845 года, наняв местных рабочих, Лэйярд приступил к исследованию большого телля в Нимруде (Кальху) в 30 км от Мосула.

Холм носил имя мифического царя Нимрода. Согласно Библии, он был не только хорошим правителем, но и искусным охотником. Его сын, Ашшур, считался основателем могущественного Ассирийского государства и первым строителем ассирийской столицы Ниневии. Местные арабы рассказали Лэйярду много преданий и легенд о Нимроде. По одной легенде, однажды Нимрод – человек гигантского роста и необычайной силы – высмеял посланца Аллаха, и разгневанный бог наказал его самым страшным образом: в голову насмешника проник комар и, медленно пожирая мозг, причинял великану невыносимые мучения. Эта пытка длилась 400 лет. Наконец Нимрод умер, а данный телль и есть его могила.

Уже в первый день раскопок были вскрыты стены большого здания (скорее всего, дворца), украшенные резными каменными плитами. А на третий день рабочие выкопали из земли огромную человеческую голову из камня. Когда все громадное изваяние было полностью очищено, перед обезумевшими от ужаса арабами предстал чудовищный лев с большими крыльями и человеческой головой. «О Аллах, – воскликнули они в изумлении. – Это дело не человеческих рук! Это сотворили злые духи! Еще пророк предостерегал нас от них!»

Но Лэйярду было наплевать и на легенды, и на пророка, и на страшный облик крылатого чудовища. Он приказал продолжать раскопки, а хорошие деньги, которые он ежедневно платил рабочим, вскоре примирили их с необходимостью взирать на новых каменных истуканов, появляющихся из земли. Находок было много. И надо сказать, что англичанин, в отличие от Ботты, сумел без потерь переправить тяжелые скульптуры на плотах по Тигру в Басру, откуда военный корабль доставил их в Лондон. Европа была потрясена. Но не менее были потрясены и местные арабы. Один из них, шейх Абд-аль-Харман, увидев статуи языческих богов и руины древних дворцов, в изумлении произнес: «Многие годы живу я в этой стране. Мой отец и отец моего отца разбивали здесь до меня свои шатры, но и они никогда не слышали об этих истуканах. Вот уже двенадцать столетий правоверные – а они, слава Аллаху, только одни владеют истинной мудростью – обитают в этой стране, и никто из них ничего не слышал о подземных дворцах, и те, кто жил здесь до них, тоже. И смотри! Вдруг является чужеземец из страны, которая лежит во многих днях пути отсюда, и направляется прямо к нужному месту. Он берет палку и проводит линии: одну – сюда, другую – туда. „Здесь, – говорит он, – находится дворец, а там – ворота“. И он показывает нам то, что всю жизнь лежало у нас под ногами, а мы даже не подозревали об этом. Поразительно! Невероятно!»

Илл. 8. Раскопки О.Г. Лэйярда в Нимруде

Со временем, когда волнение от первых открытий несколько улеглось, Лэйярд нанял еще больше рабочих и начал раскапывать Нимруд сразу в нескольких местах. Результаты не заставили себя долго ждать. На поверхность были извлечены шестьдесят крылатых быков и львов с человеческими головами. Некоторые из этих фантастических чудовищ имели по пять ног, и Лэйярд терялся в догадках – зачем это понадобилось древним скульпторам? Но однажды, проходя мимо пятиногого быка, он внезапно заметил, что бык вздрогнул, сделав шаг вперед. Явный оптический обман, вызванный именно пятой ногой. Эти фантастические чудовища – «ламассу» – стерегли все входы во дворец и таким хитроумным способом должны были вызывать у людей суеверный ужас.

В ходе раскопок в Нимруде произошел случай, который живо напомнил о древних технических приемах месопотамцев по поднятию и транспортировке тяжестей. Дело в том, что некоторые крылатые чудовища, найденные здесь при раскопках, имели вес до 15 тонн и высоту с трехэтажный дом. Как же доставить их в Англию? Лэйярд приказал установить целую систему блоков над траншеей, и когда статую подняли на поверхность, то ее погрузили на огромную деревянную повозку, запряженную десятком быков. Но никакие понукания погонщиков не могли заставить флегматичных животных сдвинуть с места этот гигантский экипаж. Тогда англичанин запряг в повозку людей – более 200 рабочих, и уже они смогли доставить колосса к реке.

Много лет спустя, когда жизнь древней Ассирии перестала быть загадкой для науки, выяснилось, что Лэйярд перевозил статую тем же способом, что и ассирийские цари за две с половиной тысячи лет до него. Сотни, если не тысячи рабов-военнопленных, подгоняемых кнутами надсмотрщиков, волочили крылатых чудовищ к дворцам восточных владык. Во всяком случае, изображение подобной операции есть на каменных барельефах ассирийской эпохи.

Всего Лэйярд раскопал в Нимруде остатки семи царских дворцов, получив сотни скульптур и немалое число глиняных табличек с клинописными текстами.

Успехи исследований в этом древнем городе вдохновили Лэйярда на новые работы. Теперь главным объектом его раскопок стал холм Куйюнджик на берегу Тигра, напротив города Мосула, где до него без особого успеха копали Джеймс Рич и Эмиль Ботта. И снова ему

несказанно повезло. Уже в первые дни работ он наткнулся на мощные стены какой-то большой постройки. Постепенно, по мере ее расчистки, из земли появились на свет массивные порталы входов и охраняющие их крылатые чудовища с человеческими головами, комнаты, залы, внутренние дворики. Алебастровые плиты с резными изображениями и стены, облицованные кирпичами с черной, желтой и голубой глазурью, свидетельствовали о былой роскоши здания. Не оставалось никаких сомнений в том, что это – один из дворцов ассирийского царя. Но какого именно? Ответа пока не было.

Руины носили явные следы пожара и намеренного разрушения: разбросанные в беспорядке и разбитые на куски скульптурные алебастровые плиты, обугленные куски дерева, фрагменты мебели и убранства, – все говорило о том, что город был взят врагом после ожесточенной схватки и затем беспощадно разрушен. Но огонь уничтожил далеко не все. Лэйярд нашел среди руин дворца множество ценнейших образцов древнего искусства: барельефы, статуэтки, печати и клинописные глиняные таблички. Среди всего этого богатства особого внимания заслуживает один из замечательнейших шедевров древнемесопотамской скульптуры: изображение раненой львицы. «Пронзенная тремя стрелами, она ревет от отчаяния и бессильной ярости, – пишет З. Косидовский, – волоча по земле парализованные конечности. Талантливое произведение не только свидетельствует о знании анатомии, но и привлекает исключительным реализмом и силой воздействия, на которые способен лишь вдохновенный художник».

Илл. 9. «Голова Нимрода». Раскопки О.Г. Лэйярда в Нимруде

В одном из крыльев дворца Лэйярд открыл две отдельных комнаты, пол которых на добрых полметра покрывал слой глиняных табличек с клинописью. И англичанин понял, что совершил выдающееся археологическое открытие. В этих комнатах, несомненно, помещалась библиотека ассирийских царей, древнейшая библиотека в истории человечества. Тысячи глиняных табличек, которые некогда заполняли полки, а теперь валялись на земле, были сокровищем, не имевшим цены, и заключали в себе, быть может, всю историю Месопотамии. Лэйярд собрал все эти таблички – как целые, так и их обломки – и отправил в Лондон, в Британский музей.

Эти находки окончательно подтвердили предположение Лэйярда о том, что он открыл погибшую и давно разыскиваемую столицу Ассирии – Ниневию. Раскопанный дворец принадлежал, как это было установлено позднее, царю Синаххерибу, который правил страной с 704

по 681 г. до н. э. Но самая важная находка – библиотека из глиняных клинописных табличек – принадлежала не Синаххерибу, а его внуку Ашшурбанапалу (668–626 гг. до н. э.) – ценителю и коллекционеру древних текстов Шумера, Аккада, Ассирии и Вавилонии. Чтобы собрать в своих руках все нужные ему документы Месопотамии, он разослал по ассирийским владениям целую армию чиновников и писцов, которые либо добывали оригиналы интересующих царя табличек, либо копировали их. Таким образом, именно Ашшурбанапал создал первую крупную библиотеку, сохранившуюся до наших дней, а она дала нам в руки ключ к ассиро-вавилонской истории и культуре. «Клинописные таблички, – пишет Косидовский, – представляли собой несметные сокровища знаний о древних народах: династические своды и хроники, политические трактаты и дипломатическая корреспонденция, хозяйственные счета и астрономические исследования, предания, мифы, религиозные гимны и стихи, среди которых находилась древнейшая в истории человечества эпическая поэма» (имеется в виду «Эпос о Гильгамеше»).

Итак, успех следует за успехом. Лэйярд становится одним из самых популярных людей в Англии. С 1848 г. все британцы зачитываются его двухтомным сочинением «Ниневия и ее руины». В 1853 г. появляется следующая сенсационная книга удачливого археолога – «Ниневия и Вавилон». Но он вынужден прекратить свои раскопки в Месопотамии. Это произошло отнюдь не из-за денег. Денег теперь у Лэйярда было много. Мосульский климат подточил его здоровье, он заболел и в 34 года навсегда покинул Ирак. «Жизненный путь

Лэйярда с этого времени, – отмечает Э. Церен, – круто идет вверх. В 1852 г. он некоторое время занимает пост помощника государственного секретаря в Министерстве иностранных дел Великобритании. Затем его выбирают в парламент. С 1861 до 1866 года он опять помощник государственного секретаря, а в 1868 году становится министром общественного строительства... Должность посланника в Мадриде дает ему возможность в 1877 году стать послом Великобритании в Стамбуле – той стране (Турции. – В.Г.), где вззошла его звезда, после того как он сбежал из унылых канцелярий Лондона. Уже в возрасте 70 лет Лэйярд пишет книгу о своих поездках в Иран и Месопотамию. В „Ранних приключениях в Персии, Сузиане и Вавилонии“ он еще раз вспоминает о днях своей беспечной юности, когда, бросив юриспруденцию, он... ездил верхом через желтые пустыни и зеленые оазисы Тигра и Евфрата. Летом 1894 года в возрасте 77 лет Лэйярд навсегда закрыл глаза, которые видели так много таинственного и интересного на земле».

В заключение я приведу одно высказывание Лэйярда по поводу ассирийской скульптуры, сделанное им в его последней книге (1877 г.):

«Целыми часами я рассматривал эти таинственные символические изображения и размышлял об их назначении и истории. Что более благородное мог внести тот или иной народ в храмы своих богов? Какие более возвышенные изображения могли быть заимствованы у природы людьми, которые... пытались найти воплощение своим представлениям о мудрости, силе и вездесущности высшего существа? Что могло лучше олицетворять ум и знания, чем голова человека, силу – чем туловище льва, вездесущность – чем крылья птицы?!

Эти крылатые человеко-львы не были просто случайным плодом, порожденным человеческой фантазией. Их внешний вид внушал то, что они должны были символизировать, – благоговение. Они были созданы в назидание поколениям людей, живших за три тысячелетия до нас. Сквозь охраняемые ими порталы несли свои жертвоприношения правители, жрецы и воины задолго до того, как мудрость Востока распространилась на Грецию, обогатив ее мифологию издавна известными ассирийцам символическими изображениями. Они были погребены под землей еще до основания Вечного города (Рима. – В.Г.), и об их существовании никто не подозревал. Двадцать пять столетий были они скрыты от взоров людей и вот появились вновь во всем своем великолепии».

Но романтика романтикой, а методы действий Лэйярда при раскопках отнюдь нельзя назвать абсолютно научными. Откопав кое-как в руинах дворцов ассирийских царей статуи и

барельефы, он так спешил извлечь их из земли и отправить в Англию, что в своем рвении часто разбивал древние каменные скульптуры на куски или же брал лишь часть изваяний, оставляя большие их фрагменты на месте. Тем не менее, Ассирия была открыта. И по следам первопроходцев в Месопотамию устремились новые поколения археологов.

Рассам и библиотека Ашшурбанапала

В Ниневии с 1852 г. продолжил раскопки Ормузд Рассэм, бывший помощник Лэйярда, уроженец Мосула, айсор по национальности, прямой потомок древних ассирийцев. Он хорошо знал, что надо искать. Ему был нужен дворец Ашшурбанапала (библейского Сарданапала) – последнего великого царя Ассирии перед ее падением. И когда Рассэм обнаружил этот дворец в том же самом холме Куйюнджик, он каким-то подспудным чувством понял, что стоит на пороге величайшего открытия. В 1854 г. он нашел в руинах дворца большую библиотеку, которую ассирийский царь две с половиной тысячи лет назад собрал из всех значительных городов Месопотамии и поместил в своем дворцовом архиве. При падении Ниневии библиотека была разрушена вражескими войсками. Рассэм понял это сразу же. Но тогда он не мог знать об определенных опознавательных знаках, которые помогли потом привести в относительный порядок эту разоренную библиотеку и классифицировать 30 000 глиняных табличек, покрытых таинственной клинописью. В то время Рассэм едва мог читать то, что было написано на особых таблицах, скрепленных царской печатью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.